

Николь Бумер

**Прохожий с улицы
Железнодорожников**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б90

Бумер Н.

Б90 Прохожий с улицы Железнодорожников / Николь Бумер. – М.: Литнет, 2026. – 172 с.

ISBN 978-5-524-00183-2

У каждого своя правда, свои тайны, свои обстоятельства и свой взгляд на те или иные события в жизни. Книга «Роман века, или Проект «Забывать Валеру» это отношения глазами женщины, «Прохожий с улицы Железнодорожников» – это та же история, но глазами мужчины... который не хотел чтобы его любили и все делал, чтобы этого не произошло...

«Я ненавидел её за то, что она меня любит. За каждое «как дела?», за каждое «приезжай», за каждую ночь, когда она лежала рядом и дышала так, будто я имел право быть нужным. За её терпение, за её прощение, за то, что она видела во мне человека, которого я сам в себе уничтожал. Она думала, что я боюсь любви. А я просто ненавидел себя настолько, что её любовь была для меня приговором.

И любил я её только тогда, когда она становилась такой же как и я.. Когда посылала меня на хрен. Когда оставляла ключи в почтовом ящике. Когда разрисовала мою машину помадой. В эти моменты она была настоящей. Не той, кто ждёт и прощает, а той, кто живёт. И я хотел её. Не её тело – её силу. Её способность не ломаться. Её гордость, которую я так отчаянно пытался растоптать. Это не роман. Это жизнь. Моя жизнь. Которую я так и не научился жить правильно.»

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00183-2

© Литнет, 2026
© Бумер Н., 2026

Глава 1. Знакомство, или как я пропустил удар

Я лайкнул её фото на сайте знакомств. Чисто механически. Рука потянулась к экрану, пока листал ленту в очереди на мойку. Никакого внутреннего импульса, никакого «Вау, хочу». Просто пальцы сделали свою работу.

Женщина за пятьдесят, симпатичная, ухоженная. Из тех, кто ещё держит марку.

Таких я через себя пропустил немало. И все они знали одно правило: я ничей. Ни под чью дудку не пляшу. Ни перед кем не отчитываюсь.

У меня их сейчас три. Лена, Света, Надя. Все взрослые, все всё понимают. Никаких «куда пропал», никаких «почему не позвонил». Если я исчезаю на неделю – значит, занят. Если появляюсь – значит, соскучился. Им такой формат подходит. Мне – тем более. Я к ним езжу сам, когда удобно. Так проще: сделал дело и уехал, и никаких следов в моей берлоге.

Зачем мне ещё одна? Хороший вопрос. Скука, наверное. Разнообразие. Посмотреть, что за птица.

Глаза на фото... Глаза живые. Такие глаза либо у сумасшедших, либо у тех, кто ещё не разучился удивляться. Я тогда мельком подумал: «Интересный экземпляр». И забыл.

Я – Валера. Подполковник ВДВ в отставке. Афганистан, Чечня, две войны за плечами. Военный пенсионер. Сейчас главный энергетик в банке – скучно, зато надёжно. Был когда-то женат, но жена давно в другом городе. Так что. Никаких обязательств, никаких «мы должны». Своя квартира, даже две, своя машина, стабильный доход, три женщины по расписанию. Полная свобода.

Свобода – это главное. Я её выстрадал. Я её защищаю. И никому не позволю её нарушить.

Сайт, как идиот, тут же отрапортовал: «Вы понравились друг другу!» Ну да, конечно. Механика сайта, не более. Но написал:

– Привет. Похоже, что да. Только цели у нас разные, но пообщаться можно...

Честность – лучшая стратегия. Отсекает лишних. Кто ищет серьёзного – отвалится сразу. Кто согласен на лёгкий формат – останется. Мне такие и нужны. Без претензий, без планов на мою жизнь.

Про жену я, конечно, ничего не сказал. Зачем? Я и так свободен. Я сам себе хозяин.

Она ответила быстро. Скинула номер. Я позвонил.

Голос. Низкий, тёплый, с хрипотцой. Приятный. Такие голоса либо у певиц, либо у женщин, которые знают себе цену. Я тогда подумал: «Интересно, что там с остальным?» Потом проверю. Если дойдет до этого...

Встретились в «Рубине». Кофе, пирожное, она рассказывала про танцы, а я смотрел на неё и оценивал. Фигура спортивная, улыбка открытая, жесты живые. Но глаза... Глаза смеялись. Надо мной, над собой, над всей этой ситуацией. Редкое качество. Обычно женщины в её возрасте уже носятся со своими комплексами как с писаной торбой. А эта – лёгкая. Не пытается понравиться. Просто есть.

– Ты правда такой свободный? – спросила она между делом.

– Абсолютно, – ответил я. – Ни жены, ни подруги с претензиями. Никаких цепей. Только я и моя жизнь.

Приврал, конечно. Но по сути – правда. Лена, Света и Надя – это не цепи. Это удовольствие. Когда захотел – взял, когда надоело – отошёл.

Она ушла на тренировку, а я поехал к Лене. У неё как раз муж уехал. Вечер прошёл по плану.

Утром написал новой знакомой: «С добрым утром». Просто так. Для поддержания контакта. Надо же когда-нибудь пробовать.

Потом я исчез. Сам не знаю почему. Да нет, знаю. Потому что новые контакты требуют внимания, а у меня и старых хватает. Ле-

на, Света, Надя – все хотят кусочек времени. Зачем множить сущности? Я решил, что она подождёт. Никуда не денется.

Через время объявился. Сказал, что болел. Врал. Просто проверял, будет ли ещё со мной разговаривать. Будет. Куда денется. Они всегда возвращаются, если к не слишком активно их обхаживать.

Встретились снова перед её тренировкой. Я стоял возле кафешки, курил, и тут она подъехала. Сама. За рулём.

Старенький «Чери Амулет», потрёпанный жизнью, с царапинами на бампере, с каким-то подозрительным оттенком краски. Я смотрел на это чудо и думал: «Ну и трахома. Мои все на нормальных ездят».

– Это твоё? – спросил я, кивая на это недоразумение.

– Моё, – улыбнулась она. – Надёжная. Везде ездит. Ни разу не подвела.

Я усмехнулся про себя. Но потом заметил, как она говорит о ней. Не как о железяке, а как о друге. С теплотой. Странная. Ко всему так относится, что ли?

В тот вечер я приобнял её. Осторожно, скорее из вежливости. Она не отстранилась. Ей было приятно. Запомним.

Она рассказала про концерт. Её ансамбль будет выступать. Я пообещал прийти. Конечно не пришёл. Во-первых, Лена освободилась неожиданно.

Во-вторых, не мальчик уже с цветами на концерты ходить. Позвонил через несколько дней. Сказал, что машина сломалась. Она поверила. Или сделала вид. Какая разница?

Потом был её день рождения. Я прислал подарочек в «Одноклассниках». Позвонить? Нет. Слишком много чести для случайного знакомого. Да и Лена в тот вечер ждала.

Она ответила тем же. Спасибо. Коротко. Без обид. Нормально.

Потом я снова позвонил. Она была у стоматолога, мычала что-то. Я свернул разговор. Попросил образец иска – просто чтобы не молчать. Она ничего не прислала. Ну и ладно.

После Нового года она написала сама: «Почему наше общение так резко и неожиданно прекратилось?»

Я перезвонил. Сразу – а не через пару часов. Сказал, что не хотел морочить голову. Что ей, наверное, другое нужно.

Она рассмеялась. Громко, искренне.

– Валера, я всё поняла с первого раза, – сказала она. – Ты свободен, ты никому ничего не должен. Меня это устраивает. Я тоже свободна. Давай просто общаться без напряжения. А другое по нашим временам, это нереально...

Я выдохнул. Ну вот и славно. Значит, можно попробовать.

Встретились. Ужин, флирт, она снова ушла на тренировку. Я поехал к Наде. По дороге думал о ней. Минут пять. Потом переключился.

Потом у неё сломалась машина. Мы не виделись. Я не скучал. Позвонил просто так, поддерживал контакт. Предложил встретиться. Поехать в гостиницу. Она отказалась.

Я удивился. Обычно после пары месяцев общения женщины уже сами предлагают. А эта – нет. Любопытно. Не такая, как все. Может, потому и интересно?

В Татьянин день мы договорились встретиться. А у меня разболелся зуб. Реально разболелся. Я даже обрадовался – повод не идти, отдохнуть. Но когда она написала, что одна, что машина сломалась, что сидит дома... Я чуть не сказал: «Приезжай». Не сказал.

Идиот? Может быть. Но у меня свои правила. Свобода – это ещё и умение вовремя остановиться. Не подпускать слишком близко. Держать дистанцию.

Она всё решила сама. Сказала, что сама приедет ко мне завтра. Ко мне. А это было... необычно. Я никого не вожу в свою берлогу. Лена, Света, Надя – я всегда сам приезжаю. Так безопаснее. Моя территория – моя крепость.

Но тут... чёрт его знает. Решил сделать исключение. Проверить, что из этого выйдет.

Но где-то глубоко внутри шевельнулось любопытство: а что будет, если открыть дверь? Не ту, входную, а другую. Ту, которую я всегда держал на запоре.

Посмотрим. Лёгкий интерес, не больше. Просто эксперимент. Я же предупредил. Никаких обязательств.

Глава 2. Девочка моя, или Как я чуть не поверил, что смогу

26 января

Я ждал её с самого утра и сам не понимал – зачем я это делаю? В мою квартиру вообще-то никто не приходит. Я сам езжу. Это принцип. Это броня. А тут – пустил. Впервые за много лет.

Специально не готовился. Пусть видит. Мебель старая, ремонт дешёвый, на обоях пятна от моей холостяцкой жизни. Я никого не обманывал: я свободный человек, без обязательств, живу как хочу. Если ей не понравится – дверь открыта. Лена вон вообще мою берлогу не видела никогда, Света тоже, Надя тем более. Я к ним езжу, и всех всё устраивает. А эту зачем-то пригласил. Сам не пойму.

Но внутри всё дрожало. Сука, прям как перед первым прыжком с парашютом. Только тогда я знал, что делать: шагнул – и полетел. А тут – шагай не шагай, непонятно, куда приземлишься. И главное – зачем?

Когда она позвонила в домофон, сердце ушло в пятки. Буквально провалилось куда-то в район кишечника и там застряло. Я нажал кнопку, открыл дверь и замер.

Стоит в подъезде, в серой норковой шубе. Дорогой, шикарной. Я аж растерялся. Такие женщины не задерживаются в таких квартирах. Им нужен мрамор, хрусталь, унитаз с подогревом. А у меня – линолеум, который помнит ещё Горбачёва, и ванна с желтизной. Им нужны мужики, которые водят в рестораны, а не в гости. А я её сюда позвал. Конец!!!

Но она улыбнулась, сняла шубу, и моя убогая прихожая вдруг перестала казаться такой убогой. Осветилась, что ли? Как ёлка в новогоднюю ночь, которую на фиг никто не ждал.

– Такси оплачено, – сказала она, когда я полез за деньгами.

Я смутился. Надо было настоять, поспорить, показать, кто тут мужчина. Но язык не повернулся. Потом отдам, решил. Не отдал. И каждый раз, когда вспоминаю, хочется дать себе подзатыльник. Старый дурак. Свободный дурак, который нарушил свои же правила.

Она прошла на кухню, села за стол, огляделась. Я ждал, что она сморщит нос. Скажет что-то про обои из восьмидесятых, про табуретки, которые помнят динозавров, про холодильник, который урчит как раненый зверь. Но она просто сидела и смотрела на меня. Смотрела так, будто я самый интересный человек на свете. Будто за этим столом, в этой обшарпанной кухне сидит не пенсионер с двумя войнами за спиной, у которого три любовницы и график на неделю, а принц на белом коне.

– Коньяк будешь? – спросил я, доставая дешёвую бутылку. Другой не купил. Проверял? Наверное. Хотел понять, что для неё важнее – антураж или я. Глупо, да. В моём возрасте такие эксперименты ставят только законченные идиоты. Тем более когда у тебя и так всё есть.

Она сделала плоток из вежливости и отставила. Даже бровью не повела. Я рассказывал армейские байки, а она слушала вполуха. Я видел: её интересовало совсем другое. И это заводило. Потому что обычно байки про десантуру работают безотказно. Проверено на Лене, на Свете, на Наде. А тут – ноль эмоций. Только глаза эти чёртовы. Живые. Как у сумасшедшей.

Я смотрел на неё и искал изъяны. Обязательно должны быть. Идеальных не бывает. Морщины? Да, есть, но их почти не видно. Фигура? Спортивная, подтянутая – бесит. Возраст? Пятьдесят три – для неё это просто цифра. Должен же быть какой-то недостаток, за который можно зацепиться, чтобы потом сказать себе: «Ну всё, Валера, она не идеальна, можно не влюбляться, можно просто вписать в график».

– Не трясись, – ляпнул я ни с того ни с сего.

Сам не знаю зачем. Она и не тряслась. Это я трясся внутри. Как подросток перед первым свиданием. Подполковник ВДВ, твою диви-

зию. Афган, Чечня, три любовницы – и трясусь перед бабой. Позор. Да ещё и в собственной квартире, куда вообще никого не пускаю.

Потом я решился. Подошёл, поцеловал. И понял – пропал. Такая мягкость, такая отзывчивость... И тут до меня дошло, что я даже не раздел её, а уже готов рухнуть на колени. Но когда она встала, когда сняла это немыслимое платье...

Я, блин, чуть не поперхнулся воздухом.

Вы бы видели это тело. Пятьдесят три года, трое детей – и такое тело. Я, прошедший две войны, выдавший женщин разных национальностей и комплекций, имеющий Лену со Светой и Надю, стоял и пялился как школьник на запретное видео. Подтянутая, спортивная, каждый мускул – как струна. Я потом понял, что это танцы эти её, тренировки. Но в тот момент я просто охренел. У меня внуки есть, я к старости готовился, к спокойной жизни, к пенсии с удочкой. А тут – такое. Организм, который последние лет десять работал в режиме энергосбережения, вдруг включил все системы. Аварийный режим, мать его.

Я забыл про всё: про возраст, про то, что нельзя, про больную спину и хрустящие колени. Забыл про Лену, которая ждёт звонка, про Свету, которая надеется на пятницу, про Надю, которая вообще безотказная. Я хотел её. Прямо там, на этой старой кухне, среди табуреток и обоев с допотопными цветочками. В собственной квартире, куда я никогда никого не пускал.

– Доверься мне, девочка моя... – прошептал я. – Я тебя никогда не обижу.

Сказал и сам испугался. Никогда не обижу? Я? Который всю жизнь только и делал, что обижал? Который врал, исчезал, предавал? Который Лену на Свету менял, а Свету на Надю, и всем говорил, что свободен? Я же циник, мать его, подполковник запаса, который никого не подпускает.

Но в тот момент мне показалось, что с ней я смогу быть другим. Что этот подтянутый животик, эти сильные ноги, эти руки – они меня изменят.

Глупость какая. Людей не меняют. Тем более таких старых пней.

Секс был... невероятным. Она была такой открытой, такой живой. Я забыл про свой возраст, про свои проблемы, про то, что утром надо на работу в банк, считать эти чёртовы киловатты. Я просто был с ней. И мне было хорошо. Как никогда. Даже с Леной, даже со Светой, даже с Надей.

Никогда так не было.

Но к концу вечера организм, сука, дал сбой. Возраст, коньяк, нервы, плюс, видимо, перегрузка эмоциональная – всё вместе. Член просто отказался работать. Лежит себе, отдыхает. А я перед ней, красный как рак, и не знаю, куда глаза деть.

Я испугался. Не из-за себя – из-за неё. Вдруг она разочаруется? Вдруг уйдёт? Скажет: «Что ж ты, десантура, лапшу сварил?» И тут я поймал себя на мысли, что ищу в ней недостаток. Сейчас, думаю, она покажет своё истинное лицо. Сейчас начнёт пилить, упрекать, требовать. Вот оно, думаю, сейчас я её раскусил.

А она... Она ничего не сказала. Просто обняла. Прижалась этим своим невероятным телом и засопела в плечо.

И я понял, что пропадаю. Потому что если бы она засмеялась, если бы сказала хоть слово – я бы одел её и отправил домой. Сказал бы: «Извини, старею, бывает». И закрыл бы дверь. И забыл бы. Попытался бы забыть.

Переключился бы на Лену или Свету. Поехал бы к ним, как обычно. А она молчала. И это было хуже всего.

Я лежал и смотрел в потолок. Она спала, тёплая, доверчивая, а я лежал и думал: «Надо валить. То есть её надо отправить. Пока не поздно. Пока не привык. Пока не привязался. Пока она не стала нужна больше, чем график».

Я умею исчезать. Это моё второе имя. Валера-исчезатель. Сколько раз так делал: переспал – и нет меня. Ни звонков, ни сообщений, ничего. Лена сначала обижалась, потом привыкла. Света вообще молчала. Надя терпеливо ждала. Я к ним ездил, когда удобно, и все были счастливы.